

СЮЖЕТЫ КОМПАРАТИВИСТИКИ/ SUBJECTS OF COMPARATIVE POLITICS

Серия «Политология. Религиоведение»
2012. № 1 (8). С. 43–51
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
*Иркутского
государственного
университета*

УДК 947

Россия и Грузия: различия в оценках совместной истории

С. Б. Панин

Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск

Статья посвящена историческому периоду во взаимоотношениях России и Грузии, когда грузинские княжества были включены в состав Российской империи. Анализируются мнения и позиции российских и грузинских авторов о важнейшем периоде совместной истории.

Ключевые слова: Российская империя и Грузия, персидское и турецкое влияние на грузинские княжества, русско-грузинские отношения, Кавказ, княжества Мегрелия, Имеретия, Гурия, Абхазия.

Грузия, как и другие бывшие советские республики, а ныне самостоятельные государства, только в постсоветский период обрела форму самостоятельного государственного образования, которого в современных границах прежде не существовало. Более того, собирание грузинских земель и возможности для складывания современного грузинского государства и грузинской нации стали возможны под влиянием России, без которой Грузия была обречена остаться внутренней территорией Персии или Турции (чем, собственно, она уже и являлась к моменту вхождения в состав Российской империи). Даже само определение данной территории термином «Грузия» произошло под влиянием России, и именно в российских дипломатических документах конца XVIII в. появляется такое понятие, как «грузинский народ», которого до этого не было, а сами грузины и не знали, что они так именуются. Между отдельными этническими группами существовали, и по сей день существуют, глубокие культурные, языковые различия, не позволяющие им именоваться единым этносом. Например, проживающие в Западной Грузии сваны и мегрелы различаются подобно чехам и сербам по отношению к русским, фактически являясь разными этносами [5, с. 3]. Но российская императорская администрация, видимо, сама имевшая большие планы на эти территории, для удобства назвала термином «грузинский народ» не только население Картлии и Кахетии, владения царя Ираклия II, но и территории и народы, которые в тот период не входили в это государственное образование.

Конечно, понятие «российский народ» также включает в себя большое количество разных по этническому происхождению народов. Однако это по-

нятие не претендует на этническую однородность, а лишь подчеркивает культурную и, в современном значении этого слова, национальную черту. Понятие же «грузинский народ», за исключением отдельных народов, якобы пришлых на исконно грузинские территории (среди которых, естественно, оказались осетины и абхазы), стало подаваться как единый этнос. Кстати, заметим, что в отношении абхазов их инородность подчеркивается более противоречиво. Так, например, современный грузинский автор Джемал Гамахария, с одной стороны, говорит о том, что абхазы (апсуа) прежде никогда и не жили на территории Абхазии, которая была исконно грузинской территорией и основой Мегрельского царства, что они проникли сюда только в период монгольских вторжений, будучи отдельным, негрузинским народом. Однако там, где автор пытается определять российскую политику в отношении Абхазии и Южной Осетии, появляется иная логика изложения, подчеркивающая, что в России уже в начале XX в. «началась разработка... идеологии “Абхазия – не Грузия”, которая активно внедрялась в сознание абхазского народа» [4]. Судя по авторскому тексту, Абхазия, наоборот, это Грузия (впрочем, автор этого и не собираются отрицать), но из подтекста следует, что это касается и самого абхазского народа, раз что-то иное, чем «Абхазия – это Грузия», могло кем-то искусственно внедряться в его сознание.

Гамахария оставляет без должного анализа утверждение о том, что абхазы начали проникать в Грузию еще в XIII в., в период монгольских нашествий, но реально утвердились здесь почему-то только в XVII в., когда влияние Мегрелии ослабло (кстати, в Российской империи употреблялось ошибочное название «Мингрелия»). Зато автор намеренно подчеркивает конфликтные отношения абхазов с грузинами – жителями Мегрелии [4]. Действительно, в XVII в. в Абхазии произошло резкое изменение этнического состава населения из-за массового переселения с гор адыгейских племен, которые называли себя «апсуа». Однако следует обратить внимание на то, что именно грузинские князья Шервашидзе, при изменившемся этническом составе Абхазии, сумели, внешне примирившись с этими изменениями, сохранить за собой управление в княжестве и, фактически, возглавили движение за независимость Абхазии от Мегрелии [7, с. 71]. Другими словами, независимое княжество создают грузинские князья, которые продолжают править Абхазией, население которой уже иное, не чисто грузинское, и лозунги отрыва от Мегрелии исходят именно от них! Таким образом, приход на эти земли апсуа (абхазов) не был трагедией для будущности Грузии, более существенным было то, что продолжалась эпоха феодальной раздробленности, а изменения демографического состава населения Абхазии мало повлияли на положение грузинских княжеств. Кстати, по той же логике В. Г. Ардзинба утверждал, что в 70-х гг. XIX в. Абхазия с уже установившимся населением вновь пережила «этническую катастрофу», когда, после Кавказской войны, ее территорию покинули и переселились в Турцию 300 тыс. абхазов, а на обезлюдившие территории хлынули потоки переселенцев, прежде всего мегрелов, которые, по его словам, всегда претендовали на эти территории. И Ардзинба пишет «о начавшейся тогда грузинской колонизации Абхазии...» [7, с. 322–323].

В XVII в. никакого грузинского государства в современном понимании уже не существовало как такового, происходил период дезинтеграции даже тех земель, которые когда-то объединялись в едином государстве. Но переломным для истории Грузии был даже не XVII, а середина XVI в., когда это сложное образование оказалось разделено между двумя военно-политическими лидерами того времени – Турцией и Ираном (Персией). Княжества Имеретия, Мегрелия, Гурия и Абхазия (Западная Грузия) оказались под влиянием Турции и в ее составе, а Картли и Кахетия (Восточная Грузия) – в составе Персии. Правда, зависимость Грузии от Персии к концу XVIII в. уже не была жесткой, существовал военно-политический люфт, который сложился благодаря контактам с Россией. Важно и то, что картвельские княжества и по сути, и по форме не являлись колониями, а частью персидского государства: провинциями, имевшими одинаковые статусы с ираноязычными регионами, например, Хорасаном или Фарсом. На территории картвельских княжеств действовали те же законы, что и на остальной Персии. Правила ими чиновники, которые назначались персидским шахом из родовитых грузинских князей картвельского происхождения, которые, как правило, были омусульманены [5, с. 12; 6, с. 10]. И это притом, что Грузия (точнее, именно Картлия) приняла христианство уже в VI в., но часть Западной Грузии при этом оставалась нехристианской. Периодом наибольшей активности ислама в Грузии, а потому кризисным, пограничным, оказался XVII век, когда большая часть Грузии могла навсегда остаться исламской: в середине XVII в. картлийский царь Вахтанг принял ислам и имя Шахнаваза; в тот же период царь Кахетии (тогда еще отдельной от Картлии) Арчил принял мусульманство и стал именоваться Шах-Назар ханом, а чуть позже старший сын царя Вахтанга Георгий XI – Шах Наваз-ханом, карталийский царь Ираклий I – Назарали-ханом. Прав исследователь Д. Жуков в том, что «вплоть до начала XVIII в. Грузию вообще-то весьма сложно было бы однозначно назвать христианской страной» [7, с. 67–68, 79]. Однако, судя по всему, ислам чаще всего был только формой, хотя нередко принимался князьями добровольно, как необходимое условие инвеституры. В уже ставшей исторической работе Авалова есть свидетельства того, что «иногда происходил массовый переход в ислам, но, возвращаясь на родину, грузины, обыкновенно, снова делались христианами» [1, с. 15]. Но при этом меняющая свои политические пристрастия элита не могла изменить религию, которой в основном пользовались низы грузинских княжеств. Дополнительным фактором, сохранявшим христианство в грузинских княжествах, как отмечал Авалов, было то, что ни одно из них не было достаточно сильным, чтобы повелевать другими: Картлия, Кахетия «уравновешивались Имеретией, Мингрелией, Гурией» [1, с. 9]. По сути, ни одно княжество не брало на себя функцию лидера.

Грузинская аристократия не была единой, оказалась разделенной между сильными хозяевами, и в данный период уже, видимо, слабо тяготела к единству и созданию собственного государства. При этом исследователь Ю. Епифанцев делает далеко идущий вывод о том, что грузинская аристократия не просто хорошо жила под турецкими и персидскими властями, но всегда была

склонна к предательству, тяготела и искала более сильного хозяина [6, с. 15–16]. Как черту грузинской аристократии данного исторического периода ее можно принять, однако нет никаких оснований переносить подобные выводы на весь народ, говорить столь упрощенно о якобы сформировавшейся тогда генетической природе нации. Несмотря на длительную зависимость Восточной Грузии от Персии, и даже с учетом того, что господство Персии в Восточной Грузии обходилось ей «весьма не дешево, цель никогда не была достигнута, Грузия никогда не была поглощена Персией...». Этому окончательному поглощению Персией Восточной Грузии «мешала религия», а также пестрота политической жизни Грузии: феодальная раздробленность, фактически, продолжалась вплоть до начала XIX в., до прихода России, которая только и покончила с ней, или, точнее, перевела ее в другую, более жизненную форму внутри единого государства [1, с. 9, 12]. Шарахающаяся в разные стороны собственная элита была более серьезным и опасным препятствием для формирования нации.

Россия в XVIII в., после побед над турками, утверждает в Предкавказье, что сопровождается одновременным ослаблением здесь Персии и Турции. На это не могли не обратить внимания грузинские цари, земли которых были разделены между этими государствами. Первым решительный шаг к возможности изменения положения своего царства и даже возможного его расширения при защите православного государства делает грузинский царь, правивший в Карталинско-Кахетинском царстве, – Ираклий II. Он обращается к России и 24 июля 1783 г. подписывает с ней Георгиевский трактат о протекторате [8, с. 238–247].

Для современной оценки Георгиевского трактата следует подчеркнуть, что трактат не говорил о вхождении княжества в состав Российской империи, но лишь о признании вассалитета России и защиты с ее стороны, за что его правитель должен был отказаться от ведения самостоятельной внешней политики и совершать ее только по соглашению с пограничным русским начальством и резидентом. Однако первый серьезный исследователь этого текста З. Авалов признавал необычность этого договора, которая заключалась в том, что Грузия после 1783 г. становилась не суверенным, зависимым государством, но этот путь она выбрала сама, путем «добровольного отречения от некоторых своих прав, путем договорного самоограничения», а не в результате подчинения или завоевания. А потому З. Авалов сомневался, что можно было говорить о типичной «вассальности» Грузии от России в тот период [1, с. 54]. Важно было и то, что Георгиевский трактат признавал российское влияние над территориями, которые входили в состав царства Ираклия II, т. е. над Восточной Грузией (Картло-Кахетией), а не над всеми территориями, которые ныне именуются Грузией. Однако договор осуществлялся обеими сторонами формально. Ираклий фактически не соблюдал его условий, в частности, так и не отказавшись от ведения внешней политики, а, наоборот, проводил ее достаточно активно, добиваясь подчинения соседних княжеств. Однако парадокс заключался в том, что российскую сторону такое положение, видимо, очень долго устраивало: в Петербурге считали, что его руками про-

исходило соби́рание для России грузинских земель и княжеств. Хотя российская дипломатия оказалась в сложной ситуации, когда в Петербурге узнали, что Ираклий II, в условиях начавшейся русско-турецкой войны, тайно от России пошел в 1788 г. на заключение сепаратного соглашения с Турцией, в то время главным врагом России на Кавказе, даже не поставив Россию в известность о грузино-турецких переговорах [4].

Однако и при такой оценке Георгиевского трактата современные грузинские авторы трактуют его как «кабальный». Например, Г. Ананишвили считает, что целью подписания Георгиевского трактата для русских было намерение «вызвать в стране анархию, поражение в войне и произвол иранцев, чувство отчаяния и безысходности среди населения, а затем без проблем оккупировать и аннексировать отчаявшуюся и деморализованную Картли–Кахетию» [2]. Оказывается, Россия была намерена вызвать кризис в Грузии (точнее, в тогдашней Картли – Кахетии как части Персии), только для того, чтобы, обострив отношения между Грузией и Персией, прибрать Грузию к своим рукам. Петербург, якобы намеренно, толкал «своего протеже и весьма почитаемого при дворе Романовых Агамахмадхана на агрессию против Грузии». Более того, как пишет данный автор, «Россия оказала шаху еще и значительную финансовую помощь для подготовки вторжения в Грузию» [2].

Очень свободные мысли, естественно, без опоры на какие-либо документы. Вариант подобных рассуждений можно найти у Авалова, из сочинения которого, видимо, и взят этот материал. Однако принципиальная разница того, что написано у Авалова, в качестве научного предположения, домысливания и того, что берут из его текста грузинские авторы, заключается, на наш взгляд, в следующем. Россия, видимо, пыталась в конце XVIII в. влиять на участников борьбы за власть в Иране, которая развернулась после смерти Керим-хана между несколькими претендентами на трон. Однако поддержка Ага Махмад-хана (Ага Мухаммед-хана), как пишет Авалов, осуществлялась с его согласия «пока дела его шли не блестяще», позже он становится одним из главных противников России в этом вопросе. Попытка же опереться на сына Керима-хана также не принесла явных дивидендов, ибо он скоро скончался [1, с. 50, 58]. Однако грузинские авторы все это анализируют, чтобы доказать, что Россия якобы вела сложную игру в Персии только из-за Грузии. В действительности не Грузия, а именно Персия были целями российской политики времен Екатерины. Тем более что «в Грузии для такого союза почва была всегда готова» [1, с. 50]. Однако из-за потери тех людей, на которые ставленники Екатерины были намерены опереться, эти надежды вскоре исчезли. Да и заключение Георгиевского трактата (а Екатерина II на него долго не решалась из-за возможных осложнений с Персией) явно противоречат рисуемой современными грузинскими авторами сложной игре русской дипломатии в Иране. Грузия оказалась в центре большой военно-дипломатической игры, ею интересовалась Россия только потому, что та имела выход на Персию, когда у России при Потемкине появились планы продвижения в этом направлении.

Другое дело, Д. Жуков не исключает, что Россия не воспрепятствовала агрессии и разорению Ага Мухаммед-ханом Грузии с тем, чтобы после раз-

грома и опустошения ее Ираклий сам попросил бы о полном слиянии с Россией. Тифлис был действительно razoren Ага Мухаммед-ханом, и тот предложил Ираклию мир и союз на условиях восстановления вассальной зависимости от Ирана. Ираклий вступил в переговоры, но реально ждал помощи от русских, что и последовало. Тем не менее, Петербург стремился избежать непосредственной войны с Ага Мухаммед-ханом, хотя, возможно, тайно надеялся на провозглашение шахом его брата и соперника Муртазали Кулихана, который в тот период ждал своего часа в России [7, с. 103–104]. Однако в 1796 г. умерла Екатерина, прежняя политическая линия России в отношении Персии была отброшена: Павел отозвал русские войска из Закавказья. Такой позицией русских властей воспользовался Ага Мухаммед-хан, который вскоре начал новое наступление в Закавказье, продвинувшись даже до Тифлиса. Но, как бывает в истории, эта страница оборвалась внезапно – Ага Мухаммед-хан стал жертвой внутриворцового заговора. Тем не менее, Ираклий в своих письмах в Петербург умоляет Павла о спасении Картли-Кахетии, взывает к духу Георгиевского трактата. Но Павел оставил это обращение без ответа. Ираклий II умирает в 1798 г., а царский трон достается его, к тому времени больному, сыну Георгию. Над Восточной Грузией вновь нависает иранская угроза: теперь уже новый иранский правитель Фетх Али-хан обещает разорить Грузию дотла, если Георгий XII откажется стать его вассалом [7, с. 108].

Сын Ираклия II Георгий XII, теперь рисуемый грузинскими авторами как безвольный и больной [2], обращается к России, к Павлу I, с просьбой уже не о прежнем покровительстве, а о более тесных и взаимозависимых отношениях с империей, надеясь сохранить за Багратидами номинальный статус династии – пусть не правящей, но царствующей. Однако здесь неоднозначный момент совместной истории: в январе 1801 г. Павел I издает манифест о присоединении Картли-Кахетии к России, а после смерти Павла I Александр I 12 сентября того же года издает манифест об упразднении Картли-Кахетского царства и вхождении Восточной Грузии в состав империи [7, с. 109]. Хотя к этому моменту Георгий умер (декабрь 1800 г.), но акта отречения не было, а потому некоторые его сыновья и бывшая царица не согласились с потерей царствующего титула, не захотели стать владельческими князьями.

Как бы там ни было, но в 1801 г. речь шла о вступлении в состав Российского государства только Кахетии и Картлии по просьбе их царя. Однако чуть позже в состав России были приняты и другие грузинские княжества, например Мегрелия (1803 г.), а в феврале 1810 г. Александр I утверждает просительные акты владетеля Абхазии о принятии ее в состав империи [4]. Приобретения после 1801 г. происходили уже не всегда добровольно, что, естественно, подчеркивают современные грузинские авторы. Это, в первую очередь, касается тех княжеств, которые прежде были в составе Турции: их присоединение к России явилось результатом русско-турецких войн. Однако следует подчеркнуть, что тому способствовали, зачастую, сами многочисленные грузинские князья, которые, оспаривая друг у друга права на владение тем или иным княжеством, подталкивали российские власти заявлять на них

претензии в надежде на то, что они достанутся именно им. Известно, что правители Мегрелии изначально считали Абхазию своей вотчиной, хотя таковой в тот период она уже не была, ею правил другой грузинский князь – Георгий Шервашидзе (до 1810 г. он был Сафар-бег Шервашидзе [7, с. 115]). Характерно и то, что Мегрелия была принята в состав империи в 1803 г., а Абхазия, якобы полностью от нее зависимая, только в 1810 г. Можно согласиться с Гамахария, хотя у него совершенно иной подтекст, что именно через Мегрелию Россия получила право бороться за Абхазию, которая в тот период находилась под турками. Он пишет: «Владелец Абхазии понимал, что, вступив в подданство России, его владение снова становилось частью Грузии, но уже управляемой не грузинскими царями, а русскими генералами». Понимает ли автор, что он сам написал о том, что Георгий Шервашидзе соглашался на возвращение не в Грузию (Мегрелию), а на то, что ее соседство в составе России становилось теперь формальным, неопределенным? И, следовательно, то, что за принятие Абхазии в состав России теперь, когда Мегрелия сама была в империи, выступали мегрельские князья, в частности Нино Дадиани, не имело уже решающего значения, хотя князья, видимо, продолжали считать себя ее правителями. А потому вывод Гамахарики абсолютно неадекватен: «...Абхазия вступила в подданство России как историческая провинция Грузии, как “член Мегрельского владения” и решающую роль в этом сыграла временная правительница Мегрелии, дочь грузинского царя Георгия XII – Нино Дадиани...» [4]. Как будто желания и намерения бывших мегрельских правителей были определяющими для царской администрации! Не будем забывать, что через несколько лет последняя мегрельская правительница (Екатерина Чавчавадзе) с детьми была переселена царской администрацией из Грузии в Павловск, под Петербургом. Это, конечно, другая история, но она отчетливо говорит о том, что не стоит думать, как это делает Гамахария, что возвращение Абхазии делалось русской администрацией для семьи владетельных князей Мегрелии Дадиани.

Наконец, важной особенностью присоединения к России грузинских княжеств было и то, что они, хотя и принимались в подданство России, но еще много лет, пусть и формально, сохраняли самостоятельный статус. Тот же пример Мегрелии: формально вошла в состав России в 1803 г., последняя самостоятельная царица – Нино Багратион-Дадиани, но ее сын Леван V Дадиани уже не царь, а владетельный князь, хотя Мегрелия в пределах Российской империи управляется внешне самостоятельно и сохраняет статус самостоятельного княжества. Леван не очень хотел править, а потому передоверил управление княжеством своему родственнику князю Николаю Дадиани, позже своему сыну Давиду I Дадиани. Однако в 1853 г. Давид умирает, и только после этого его жена Екатерина Чавчавадзе-Дадиани переселяется с детьми в Россию. С 1857 г. Мегрелия уже определяется как законная часть Российской империи, но и эта дата не точна: Мегрельское княжество окончательно упраздняется только в 1866 г., а сын Давида I и Екатерины Чавчавадзе Николай получает статус владетельного князя (с 1866 г. он – светлейший князь Мингрельский). Более того, в 1886 г. русское правительство выдвигало его кандидатуру на престол Болгарии, однако неудачно [3]. И такая картина почти со

многими грузинскими княжествами: Имеретское царство входит в состав России в 1804 г., но окончательно – в 1810 г., Гурия и Абхазия – в 1810 г., окончательно Гурия – в 1828 г., а Абхазия – в 1864 г. [7, с. 322]; княжество Сванетия было присоединено в 1833 г., но окончательно только в 1858 г. [7, с. 111].

Нередко причины изменения статуса княжества были не в предательской, вероломной позиции царских властей, якобы стремившихся нарушать «вечные» договоры с князьями, а в том, что князья продолжали между собой интриги: нередко одни князья призывали других к походу против соседа, и собиралось целое войско, а владетельный князь позорно бежал, как правило, в ту же Персию или Турцию, где находилось и ждало своей участи большое количество представителей грузинской знати. Естественно, внешне все это выливалось в антироссийские настроения.

В процессе вхождения грузинского народа в российскую орбиту аристократия сыграла лидирующую роль. Как и при персах, за редкими исключениями, практически вся она перешла на службу короне. В свите императора, в гвардии, да и вообще на высших постах российской администрации было большое количество грузинских фамилий, многие из которых оставили свой след в русской истории [6, с. 30].

Однако именно Россия, точнее ее царская администрация, с одной стороны, обозвала все эти народы грузинскими, а с другой стороны, она же и разделила отдельные народы. Административные реформы на Кавказе должны были обеспечить для царской администрации удобство в управлении этим регионом. А наиболее неудобными, воинственными в тот период были осетины. Поэтому царская администрация ставила задачу обеспечить надежный контроль за местами их проживания. В отношении осетин получилось, что территориальные реформы царской администрации, по сути, разделили один народ на два народа, хотя царская администрация преследовала цели обеспечения эффективного контроля над беспокойным районом. В итоге Южная Осетия оказалась в составе нынешней Грузии, ибо царской администрацией она была отнесена административно к Закавказью, а этнический, национальный элемент не сыграл тогда никакой роли.

В истории взаимоотношений России с Грузией много общих и сложных страниц. Россия стала государством, которое определило генеральный путь развития грузинских княжеств, даже в том, что они, в конечном итоге, стали христианскими и православными. Грузия не могла одна выжить среди сильных соперничающих государств. С другой стороны, одной из характерных черт ее развития стало активное проникновение во все поры той социальной и государственной жизни, внутри которой она развивалась. Благодаря России она не только сохранила свои земли и культуру, но и, по сути, восстановила себя как государственное образование в новых исторических условиях. Однако Грузия всегда играла особую роль, занимала особое место как в империи, так и в советскую эпоху, что, отчасти, ее развратило и создало основы для международного эгоизма. И, судя по всему, и в новую эпоху это государство не может играть абсолютно самостоятельной роли: оно опять кому-то нужно, как средство для интриг против других государств.

1. *Авалов З.* Присоединение Грузии к России / З. Авалов. – 2-е изд. – СПб., 1906.
2. *Ананиашвили Г.* Этнические чистки и депортации в Грузии и на Северном Кавказе. Конвульсии русского фашизма [Электронный ресурс]. – Тбилиси, 2009. – URL: <http://iberiana.wordpress.com/iberiana/g-ananiashvili-konvulsia/>
3. Википедия. Свободная энциклопедия. Дадияни Николай Давидович [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дадияни,_Николай_Давидович/
4. *Гамахария Джемал.* Абхазия (краткая историческая справка) [Электронный ресурс]. – URL: <http://iberiana.wordpress.com/afxazeti/j-gamakharia-1>
5. Грузия. Закавказский тупик? / авт.-сост. А. Б. Широкоград. – М. : Вече, 2010.
6. *Епифанцев А.* Будет ли новая русско-грузинская война? / Андрей Епифанцев. – М. : Яуза-пресс, 2010.
7. *Леонтьев М. В.* «Независимая Грузия»: бандит в тигровой шкуре / М. В. Леонтьев, Д. А. Жуков. – М. : Яуза, 2008.
8. Под стягом России : сб. архив. док. – М. : Рус. книга, 1992.
1. *Avalov Z.* Georgia joining Russia / Z. Avalov. – 2nd ed. – SPb., 1906.
2. *Ananiashvili G.* Ethnic purges and deportations in Georgia and the Northern Caucasus. Russian Fascism's Convulsions. Tbilisi, 2009. [On-line resource]. – URL: <http://iberiana.wordpress.com/iberiana/g-ananiashvili-konvulsia/>
3. Wikipedia. Free encyclopedia / Dadiani, Nikolay Davidovich. Materials from Wikipedia. [On-line resource]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дадияни,_Николай_Давидович/
4. *Gamakharia G.* Abkhasia (brief historical review) [On-line resource]. – URL: <http://iberiana.wordpress.com/afxazeti/j-gamakharia-1>
5. Georgia. Is it a Transcaucasian impasse? // written and compiled by A. B. Shirokorad. – M. : Veche, 2010.
6. *Epifantsev A.* Will be the new Russian-Georgian War unleashed? / Andrey Epifantsev. – M. : Yauza-Press, 2010.
7. *Leontyev M. V.* «The independent Georgia»: bandit in the tigerskin / M. V. Leontyev, D. A. Shukov. – M. : Yauza, 2008.
8. Under the Russia's banner. Set of the archival documents. – M. : Russian book, 1992.

Russia and Georgia: Dissimilar Assessment of Joint History

S. B. Panin

Eastern-Siberian State Academy of Education, Irkutsk

This article explores the relations between Russia and Georgia when the Georgian principalities were joined the Russian Empire. It analyses some Russian and Georgian authors' opinions and attitude towards the most significant period in joint history.

Key words: the Russian Empire and Georgia; Persian and Turkish influences on the Georgian principalities; Russian and Georgian relations; the Caucasus; principalities of Mingrelien, Imeretien, Gurien; Abkhazia.

Панин Сергей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирской государственной академии образования, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9-306, тел. 8(3952)202143, e-mail: psb04@mail.ru

Panin Serguey Borisovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Economic disciplines, the Eastern-Siberian State Academy of Education, Irkutsk, 664011, Suche-Bator St., 9-306, phone 8(3952)202143, e-mail: psb04@mail.ru